

**ВОПРОСЫ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЭКОНОМИИ**

ИЗДАНИЕ - СОВЕТСКОЕ
1962

Ленинградское отделение коммунистической академии
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ

34-4

27362

Л. Могар

ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Под редакцией
Л. КАШАРСКОГО И
В. СЕРЕБРЯКОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Ленинградское отделение

Москва

1934

Ленинград

ТЕОРИЯ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕНТЫ ПЛЕХАНОВА

1

Взгляды Плеханова в теории земельной ренты и аграрного вопроса вообще почти совершенно не подвергались критике в нашей новейшей литературе. А между тем рассмотрение этого вопроса представляет значительный интерес для уяснения теоретических позиций II Интернационала, виднейшим представителем которого он был.

Нам известна только одна попытка ближе определить воззрения Плеханова в теории поземельной ренты — это попытка, сделанная В. Р. Чернышевым в статье „Плеханов как экономист“, опубликованной в „Вестнике Социалистической Академии“ (1923, кн. 6). Однако эту попытку нельзя признать удачной. Чернышев пишет: „Маркс доказал существование и абсолютной ренты, и эту поправку вносит Плеханов во взгляды Чернышевского — Милля“ (стр. 72).

Но дальше Чернышев утверждает: „Основной пункт и „краеугольный камень“ теории поземельной ренты Родбертуса состоит в том, что при равном частном доходе (т. е. при равной прибавочной стоимости, В. Г.) фермер получит большую прибыль, чем фабрикант, так как в земледелии органический состав капитала ниже. Но конкуренция выравнивает прибыли, и излишек дохода (т. е. излишек земельной прибавочной стоимости над средней прибылью, В. Г.) поступает от фермера к землевладельцу. Этот взгляд Плеханов подвергает критике как в работе о Родбертусе, так и в „Обосновании народничества“ (стр. 72. Подчеркнуто мною. В. Г.).

Во-первых, здесь абсолютно неправильно излагается теория земельной ренты Родбертуса. Последний выводил земельную ренту вовсе не из низкого органического состава земельного капитала и не из исторической отсталости земледелия при капитализме, закрепляемой монополией частной собственности на землю, а из той ошибки в счете (сбрасывание со счетов сырого продукта в земледелии на основании того, что последний производится в собственном хозяйстве), которую может допустить крестьянин, ведущий натуральное хозяйство, но никогда не допустит капиталистический предприниматель-фермер.

Во-вторых, мы узнаем от Чернышева, что Плеханов критиковал, а, следовательно, считал ошибочным взгляд, согласно которому избыток земельной прибавки над средней, возникающий в силу низкого органического состава земельного капитала, попадает (при известных условиях) в карман землевладельца. Всякому знакомому с работами

Маркса и Ленина известно, что именно этот излишек (разность между стоимостью и ценой производства сельскохозяйственного продукта) и образует абсолютную ренту.

Итак, из первой цитаты Чернышева следует, что Плеханов принимал теорию абсолютной ренты, из второй — что он ее отвергал.

Каковы же подлинные взгляды Плеханова в теории земельной ренты?

Первая работа, в которой он излагает вопросы теории ренты, — это его большая статья о Родбертусе. Для оценки взглядов, развиваемых в этой статье, необходимо иметь в виду следующее: в то время когда Плеханов работал над статьей о Родбертусе (по одним данным зимой 1880—1881 г.,¹ по другим — зимой 1881—1882 г.),² еще не был опубликован не только третий том „Капитала“, но не вышел еще и второй том. Третий том появился из печати в 1894 г., второй — в 1885 г. Следовательно, работая над Родбертусом, Плеханов не был знаком ни с теорией ренты Маркса, ни с той критикой Родбертуса, которую дал Энгельс в предисловии к „Нищете философии“ (октябрь, 1884 г.). Что же касается первой части второго тома „Теорий прибавочной стоимости“, где Маркс дает развернутую критику Родбертуса и особенно его теории ренты, то она вышла в свет лишь только в 1905 г. Эти справки следует иметь в виду, когда речь идет об оценке указанной выше работы Плеханова о Родбертусе.

Плеханов был, по сути дела, первым, выступившим в печати с марксистской критикой Родбертуса. Единственной имевшейся до того времени налицо работой, посвященной этому последнему и написанной человеком, примыкавшим в экономической теории ко взглядам Маркса, была статья киевского профессора политической экономии Н. Зиберера.

Далее необходимо учесть еще тот факт, что Плеханов пришел к марксизму, пройдя предварительно школу народнического социализма: примерно до 1880 г. он оставался правоверным народником и только с начала 1881 г. начинает он решительный пересмотр старых народнических позиций. 1881—1882 гг. были как раз годами, когда совершался коренной переворот в его воззрениях. Следовательно, время работы над Родбертусом совпало для него со временем его марксистского становления — преодолевая Родбертуса, он в то же время самоопределялся как марксист.

Свою работу о Родбертусе Плеханов начинает с общей оценки этого экономиста, с оценки его роли и места в истории экономической мысли.

„Родбертус, — пишет он, — с полным основанием может быть причислен к той блестящей, хотя и немногочисленной фаланге экономистов, которая украшается именами Маркса, Энгельса и Лассаля“. И дальше: „Факты... показывают, что Родбертус, Маркс и Энгельс одновременно выступили на литературное поприще, и что первый из названных писателей, с одной стороны, Энгельс, Маркс, с другой, уже с начала сороковых годов держались самостоятельных, имевших, правда, много общего, но во многом и расходившихся теорий.“³ Это безусловно преувеличенная оценка Родбертуса. Правда, в конце статьи она несколько

¹ См. предисловие Дейча к названной работе Плеханова, вышедшей отдельной книгой в 1924 г. в изд. „Буревестник“.

² См. Вагачян. Г. В. Плеханов, Гиз, 1924, стр. 64.

³ Г. Плеханов. Экономическая теория Родбертуса, стр. 20.

смягчена: „Смешно ставить его (т. е. Родбертуса. Н. Г.) учение, не только выше учения Маркса и Энгельса, но и на одну доску с этим последним“.¹

Может показаться, что причина такого преувеличения Родбертуса как экономиста коренится в том, что Плеханов во время работы над статьей не был знаком ни с третьим томом „Капитала“, ни с „Теориями прибавочной стоимости“. Однако в 1905 г. Плеханов переиздал свою статью о Родбертусе в сборнике „За двадцать лет“, не снабдив ее ни примечаниями ни исправлениями. Мы полагаем, что настоящая причина такой преувеличенной оценки лежит в непонимании некоторых существенных вопросов экономической теории Маркса и прежде всего его теории ренты.

Родбертус принимал основное положение классической школы об определении стоимости продукта количеством затраченного на его производство труда, исходя из которого (положения), он пришел к выводу о неправильности теории ренты Рикардо.

Естественно что в анализе учения Родбертуса Плеханов должен был определить свое отношение к теории ренты английского экономиста. Мы поэтому и начнем выяснение взглядов Плеханова в теории ренты с его критики ренты Рикардо.

Из сочинений Маркса и Ленина мы знаем, что коренной порок теории ренты Рикардо обусловлен законом „убывающего плодородия почвы“. Рикардо учил, что под влиянием роста населения и вызванного этим ростом повышения спроса на хлеб имеет место переход к обработке все худших и худших земель, худших как по плодородию, так и по местоположению, и по производительности добавочных затрат капитала на том же земельном участке. Отсюда следует — и такой вывод делал Рикардо — что с ростом населения и поступлением в обработку худших участков цена хлеба повышается, производство его становится все дороже и дороже; производительность сельскохозяйственного труда понижается в противоположность промышленности, где она растет.

Видел ли Плеханов этот коренной недостаток теории ренты Рикардо? Не только видел, но и прямо указывал на него задолго до выхода 3-го тома „Капитала“ и „Теории прибавочной стоимости“. Так в статье о Родбертусе мы находим такие строки: „В письме к А. Вагнеру он (т. е. Родбертус. В. Г.) говорит, что теория поземельной ренты Рикардо не согласима с его учением о пауперизме и кризисах только в одной (и даже несущественно) своей части — в той именно части, где высказывается убеждение, что сельскохозяйственный труд становится все менее и менее производительным, и пища становится поэтому все дороже... Но в своих учениях Родбертус не ограничился к сожалению опровержением этой „несущественной части“ учения Рикардо о ренте. Он отнес к числу научных „предрассудков“ все это учение“² (подчеркнуто мною. В. Г.).

Плеханов согласен с Родбертусом, что предпосылка, из которой исходит Рикардо при построении своей теории ренты (переход к обработке все более плохих земель и вызванное им падение производительности

сельскохозяйственного труда), является „несущественной частью“ теории ренты великого английского экономиста; он солидаризуется и с той критикой этой „несущественной части“, которую дает Родбертус; он сожалеет лишь о том, что последний не ограничился опровержением ее („несущественной части“), а одновременно отбросил и самую теорию ренты. В этом последнем пункте он решительно расходился с Родбертусом. По его мнению доводы последнего не колеблют существенных основ теории ренты Рикардо. „Наш автор — говорит он о Родбертусе — не разделял того убеждения, что с развитием общества производительность труда (сельскохозяйственного труда. В. Г.) постоянно уменьшается. Со свойственной ему основательностью он разобрал это положение английской школы и показал его ошибочность; относящиеся сюда аргументы Родбертуса имеют огромную важность... Но несмотря на всю свою основательность аргументы не могли поколебать теории Рикардо, так как центр тяжести его учения лежит вне вопроса о производительности сельскохозяйственного труда“¹ (подчеркнуто мною. В. Г.). Дальше Плеханов точно указывает, в чем именно заключается этот центр тяжести. „Сущность теории Рикардо заключается в том положении, что наименее производительные затраты сельскохозяйственного капитала, равно как и менее плодородные участки земли не приносят ренты, а дают лишь обычную прибыль“²

Такова в кратких чертах плехановская критика теории ренты Рикардо.

Он не видит ошибочности учения английского экономиста, заключающейся в том, что последний, не проводя различия между стоимостью и ценой производства, отрицал возможность получения ренты с худших земель, отвергал абсолютную ренту. Он не видит этой ошибки Рикардо и потому не подвергает его критике в данном вопросе, оставаясь целиком на почве теории ренты Рикардо, освобожденной от какой бы то ни было связи с законом убывающего плодородия земли.

В своей критике теории ренты Рикардо как дифференциальной ренты Плеханов не противоречит Марксу, который доказал в „Капитале“ и в „Теориях прибавочной ценности“, что дифференциальная рента Рикардо совершенно не предполагает закона убывающего плодородия почвы, но, в рамках капиталистического земледелия, предполагает только различную производительность капиталов, вложенных в разные по плодородию и местоположению земли участки или в один и тот же участок земли. Так, в письме к Энгельсу от 7 января 1851 г. Маркс писал: „Закон ренты в той общей формулировке, которую Рикардо дал... предполагает не уменьшение плодородия земли, а лишь различную степень плодородия отдельных земельных участков или же различных результатов, получаемых от последовательного приложения капитала к одной и той же почве — различие, которое существует, несмотря на всеобщее увеличение плодородия земли в связи с развитием общества“.²

Сказанным выше вполне определяется отношение Плеханова к буржуазной „теории“, известной в литературе под названием „закона убывающего плодородия почвы“, или, как некоторые критики Маркса пред-

¹ Г. В. Плеханов, — цит. соч., стр. 105.

² Там же, стр. 105.

¹ Г. В. Плеханов. Экономическая теория Родбертуса, соч., т. VI, стр. 189.

² Там же, стр. 59.

почитают выражаться, факта падающей производительности добавочных затрат труда и капитала.

В неоднократно цитированной нами статье о Родбертусе он подробно излагает доводы последнего против „закона“ убывающего плодородия почвы, целиком солидаризуясь с Родбертусом в критике этого „закона“.

Этого же вопроса он касается и в книге о Чернышевском, отдельные главы которой написаны в разное время. Так, в главе о ренте (написана в 1890 г.) он совершенно определенно говорит о законе убывающего плодородия, как о „*мнимом*“ законе.

Приведем, наконец, еще и такое доказательство. В „Доме Плеханова“, среди его личных книг, есть экземпляр книги Булгакова „Капитализм в земледелии“, испещренный заметками, подчеркиваниями, сделанными рукой Плеханова. В данной связи мы остановимся только на одном замечании Плеханова. На стр. 19 указанной книги Булгакова говорится: „Добывание пищи требовало бы постоянно увеличивающегося относительно количества труда и, следовательно, земледельческого населения, если бы каждая страна была ограничена своими естественными ресурсами“. Это утверждение последовательно вытекает из признания закона убывающего плодородия почвы. „Как известно, этот реакционный вывод не постеснялся позже сделать контрреволюционный профессор Чаюнов, возвестивший миру теорию „о постепенном свертывании промышленности в ходе развития человеческого общества“.

Отмеченное место в книге Булгакова подчеркнуто Плехановым и снабжено на полях следующим замечанием: „Вот это то и не верно“. Отвергая закон убывающего плодородия почвы, справедливо называя его *мнимым* законом, Плеханов естественно должен был отвергнуть и тот реакционный вывод, который прямо вытекает из признания этого „пошло-буржуазного“, как называет его иногда Ленин, закона.

Все сказанное выше вполне подтверждает тот вывод, что Плеханов не разделял буржуазной выдумки об универсальном законе убывающего плодородия. Но, с другой стороны, вся плехановская критика этого закона носит характер или простого повторения чужих аргументов (статья о Родбертусе), или же простого отрицания этого закона (книга о Чернышевском) без какой-либо развернутой критики его. Кроме того, все его высказывания по этому вопросу относятся к концу XIX ст. Нам известно только одно выступление Плеханова в печати с критикой новейших проповедников закона убывающего плодородия. Оно сводится к двум строкам в одном примечании к книге „Чернышевский“ (изд. „Шиповник“, 1910), где сказано, что в первой части второго тома „Теории“ находится у Маркса и ответ тем экономистам, которые, подобно П. П. Маслову, „до сих пор признают теорию убывающей производительности земледельческого труда“.²

Чем объясняется такая терпимость Плеханова? Мы думаем, что причина ее коренится в непонимании Плехановым того обстоятельства, что отрицание закона убывающего плодородия почвы есть одна из основ аграрной теории Маркса. Не понимая этого, он считал расхожде-

ние с Марксом в данном вопросе несущественным и не имеющим ничего общего с ревизией марксизма. В правильности такой догадки нас убеждает следующий факт: в № 8—9 „Голоса социал-демократа“, меньшевистской газеты, редактором которой был Плеханов, П. Маслов поместил письмо, являющееся ответом на ленинскую критику его „Аграрного вопроса в России“. В примечании редакции (т. е. прежде всего самого Плеханова), вышедшем в качестве „Прибавления“ к № 8—9 названной газеты, мы находим следующее заявление:

„Мы самые решительные и совершенно непримиримые противники того пересмотра марксизма, который совершается под реакционным влиянием идеологов западно-европейской буржуазии. Но мы никогда не были сектантами марксизма, и мы хорошо понимаем, что можно разойтись с Марксом и Энгельсом по тому или другому вопросу, не только не изменяя их точки зрения и не отвергая их *à limine*, но оставаясь вполне верным и той и другому“.¹

2

Перейдем теперь к рассмотрению плехановской критики учения Родбертуса о земельной ренте.

Давая социально классовую характеристику учения Родбертуса, Плеханов совершенно справедливо говорит, что Родбертус „был и до конца жизни остался *землевладельцем* не только по положению, но отчасти и по симпатиям“.²

Что же касается самой теории земельной ренты Родбертуса, то ее Плеханов считал самой слабой стороной учения этого померанского помещика. „Родбертус, — говорит он — отнес к числу научных „пред-рассудков“ все это учение (речь идет о ренте Рикардо. В. Г.) и решился противопоставить ему свою собственную теорию поземельной ренты, которая вообще составляет самую слабую сторону всего учения его о распределении“.³

Единственно, что, по его мнению, правильно в теории земельной ренты Родбертуса, так это его критика убывающего плодородия почвы, точнее, учение его о росте производительности земледельческого труда в ходе развития человеческого общества. „Из всей теории земельной ренты, — пишет он в одной из заключительных глав статьи, — *должно быть признано справедливым только его учение о производительности земледельческого труда*“⁴ (подчеркнуто мною. В. Г.).

Против Родбертусовой теории земельной ренты Плеханов выдвигает два основных возражения.

1. Он находит ошибочным утверждение Родбертуса о том, что в стоимость земледельческих продуктов не входит стоимость сырого материала, поскольку он производится в собственном хозяйстве фермера, и что именно поэтому в земледелии возникает излишек прибыли над средней, образующей земельную ренту. По его мнению, Родбертус „совер-

¹ Цитируем по ст. Ленина „Как Плеханов и Ко защищают ревизионизм“ Соч., т. XII, стр. 386.

² Г. В. Плеханов, Экономическая теория Родбертуса. Соч., т. VI, стр. 158.

³ Там же, стр. 59—60.

⁴ Там же, стр. 184.

¹ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. XXI, стр. 127.

² Г. В. Плеханов, Соч., т. VI, стр. 180.

шенно не прав, говоря, что материал или совершенно отсутствует в земледелии, или составляет продукт собственного хозяйства", а потому и не входит в понятие (?) об издержках производства. К таким „продуктам“ собственного хозяйства Родбертус относит семена и удобрения. „Но разве — резонно спрашивает Плеханов — сельский хозяин не относит употребленного на обсеменение полей хлеба к издержкам производства?“¹

В основе подхода Родбертуса лежит ошибочная методология. При анализе капиталистической земельной ренты следует исходить не из натурального, а денежного, товарного хозяйства, из превращения продукта труда в товар, обладающий стоимостью. Ошибку в калькуляции, положенную Родбертусом в основу его теории ренты, может допустить крестьянин, ведущий натуральное хозяйство, или помещик эпохи замкнутого хозяйства; но она не мыслима в капиталистическом сельском хозяйстве. Эту сторону Плеханов и отмечает, говоря, что „всякое исследование о распределении доходов в капиталистическом обществе должно иметь в виду не натуральное, а денежное хозяйство, в котором каждый продукт имеет меновую стоимость. Зная рыночные цены, сельский хозяин имеет полную возможность оценить и отнести к своим издержкам даже те из продуктов, предназначенных для дальнейшего производства, которые обязаны своим существованием его собственному хозяйству“.²

Все это абсолютно правильно и почти дословно совпадает с тем, что говорится Марксом в первой части второго тома „Теорий прибавочной стоимости“.

2. Рикардо, как известно, исходил из ложной посылки совпадения цены производства со стоимостью.³ Именно из этого смещения стоимости с ценой производства он приходил к отрицанию ренты с худших земель. Раз средняя цена товара в условиях капиталистического хозяйства совпадает со стоимостью, раз она приносит фермеру только среднюю прибыль, то не может быть ренты, независимой от различий в плодородии или местоположений земли (абсолютной ренты по терминологии Маркса). Если же допустить, что и худшая земля приносит ренту, тогда надо прийти к выводу, что земельные продукты продаются выше стоимости. А это означало бы, по сути дела, отказ от определения стоимости товаров, количеством содержащегося в них труда. Из этой дилеммы Рикардо видел только один выход — отрицание абсолютной ренты.³

Указанную выше ошибку классической школы (смещение стоимости и цены производства) разделял целиком и Родбертус. Но он оспаривал утверждение Рикардо, будто худшие из обрабатываемых земель не дают никакой ренты. Исходя из определения стоимости товаров количеством затраченного на их производство труда, он ставит перед собою задачу доказать существование ренты вообще, ренты, независимой от различий в производительности капиталов, вложенных в землю различного качества. Вопрос поставлен безусловно правильно. И в этом, на наш взгляд, состоит заслуга Родбертуса в теории земельной ренты: Но эта правильная постановка вопроса еще не означала правильного его разрешения.

¹ Г. В. Плеханов, цит. соч., стр. 182.

² Там же, стр. 183.

³ См. Рикардо, Начала, С.-Петербург, 1908, стр. 38—39.

Этому препятствовала ошибочность исходной позиции, унаследованной Родбертусом от классической школы.

Плеханов, вполне основательно не соглашаясь с безусловно ложным решением вопроса, данным Родбертусом, одновременно отказался и от данной им постановки вопроса. „Единственно его собственной непоследовательностью — говорит он о Родбертуса — обязана своим существованием и его поземельная рента. Из двух воззрений он должен был остановиться на каком-нибудь одном; он должен был или признавать или отрицать изменение закона о меновой стоимости под влиянием стремления прибыли к одинаковому уровню во всех предприятиях. В первом случае его поземельная рента не может иметь места потому, что стоимость фабричных продуктов несколько превышает количество труда, затраченного на их производство, стоимость же сельскохозяйственных продуктов опускается ниже этой нормы, так как, фабричная деятельность нуждается в более дорогом материале чем земледелие. Благодаря этому отклонению меновой стоимости от обычной ее нормы, *уровень прибыли будет одинаков во всех предприятиях, и составляющий поземельную ренту остаток прибыли сельскохозяйственных предприятий будет равняться нулю.*

Во втором случае, Родбертус действительно мог с грехом пополам доказать, что сельскохозяйственные предприятия должны приносить сверх обычной прибыли еще известный остаток в виде поземельной ренты. Но, оставаясь последовательным, он должен был прийти к тому неизбежному выводу, что подобный же остаток дают и фабричные предприятия“¹ (подчеркнуто мною В. Г.).

Второй случай — „отрицание изменения общего закона образования меновой стоимости под влиянием стремления прибыли к одинаковому уровню“ — Плеханов считает явно нелепым, так как, по его мнению, признание этого изменения означает признание того, что „стоимость фабричных продуктов несколько превышает количество труда, затраченного на их производство, стоимость же сельскохозяйственных продуктов опускается ниже этой нормы“. Ошибку классической школы — смешение стоимости и цены производства —² повторяет здесь и Плеханов. Правда, следует иметь в виду, что статья о Родбертуса написана им за 15 лет до появления третьего тома „Капитала“, где дано разрешение проблемы превращения стоимости в цену производства.

„Изменение общего закона о меновой стоимости“ под влиянием стремления прибылей к равному уровню состоит не в том, что стоимость всего фабричного продукта несколько превышает количество труда, затраченного на их производство, а стоимость сельскохозяйственных продуктов опускается ниже этой нормы. Это изменение состоит в том, что с образованием средней прибыли на капитал стоимость необходимо превращается в цену производства, которая теперь является центром колебания рыночных цен.

Плеханов далее полагает, что, благодаря указанному выше изменению общего закона меновой стоимости, норма прибыли сельскохозяйственных и не сельскохозяйственных предприятий будет одинакова, в результате чего

¹ Г. В. Плеханов, цит. соч., стр. 180—181.

² Ср. Рикардо, Начала, стр. 221.

исчезнет излишек земледельческой прибыли над общей нормой прибыли. Поэтому-то и не может быть никакой ренты, кроме дифференциальной. Эти рассуждения были бы верны лишь при одном предположении, именно, при том, что нет никаких преград, мешающих конкуренции капиталов выравнивать земледельческую и неземледельческую прибыль по средней норме. При этой предпосылке, а она верна для тех стран, где развитие капитализма в сельском хозяйстве не стеснялось рамками частной собственности на землю (в течение известного промежутка времени это было верно для США), а также при предположении более низкого органического состава земледельческого капитала, действительно, продукты промышленности продавались бы выше их стоимости (но по ценам производства) в противоположность сельскохозяйственным продуктам, которые бы продавались ниже стоимости (но тоже по ценам производства), а сумма цен производства земледельческих и неземледельческих продуктов была бы равна сумме их стоимостей.

Только в этом случае правильно утверждение, что цена производства (а не стоимость, как полагает Плеханов) „фабричных продуктов“ „несколько превышает количество труда, затраченного на их производство“, а цена производства „земледельческих продуктов спускается ниже этой нормы“. Но в том-то и дело, что во всех капиталистических странах земледелие стеснено монополией частной собственности на землю, которая не дает излишку земледельческой прибавочной стоимости над средней прибылью, необходимо возникающему в силу более низкого органического состава капитала в сельском хозяйстве, принять участие в образовании средней нормы прибыли. Частная собственность на землю позволяет земледельцу улавливать этот излишек и класть его к себе в карман. Поэтому-то и стоимость земледельческих продуктов не превращается в цену производства, а средняя цена их не „опускается (как правило) ниже этой нормы“, т. е. стоимости, а цена производства всех „фабричных продуктов“ не превышает их стоимости, а совпадает с нею.

На этой позиции отрицания абсолютной ренты, позиции, исходящей из предпосылки отсутствия монополии частной собственности на землю, сформулированной им еще в статье о Родбертусе, Плеханов остался до конца своей жизни. Опубликование работ Маркса, в которых излагается теория земельной ренты, ничего не изменила в его воззрениях.

Спустя десяток с лишним лет, когда был уже издан третий том „Капитала“ и Плеханов был уже с ним знаком, он вновь возвращается к теории ренты Родбертуса (правда мимоходом), в книге „Обоснование народничества в трудах г. Воронцова“ (С.-Петербург, 1896). Приведя несколько цитат из Родбертуса, трактующих о стоимости, в связи с равным уровнем прибыли на капитал, Плеханов пишет: „Он (т. е. Родбертус. В. Г.) был прав, когда, рассматривая экономическую жизнь капиталистического общества с этой общественной точки зрения (т. е. рассматривая национальный капитал, как один общий капитал. В. Г.), он приходил к тому заключению, что, в силу закона равномерной прибыли, рыночная стоимость продукта неизбежно и очень часто будет отклоняться от его трудовой стоимости (подчеркнуто мною. В. Г.). Но он совершенно неправ, когда покидал эту им же горячо защищаемую общественную точку зрения; когда в угоду своему предвзятому взгляду на поземельную ренту он, подразделив национальный

продукт на две части — сырой продукт и продукт фабрикации, совершенно произвольно объявил, что рыночная стоимость каждой из этих частей равна ее трудовой стоимости и совершенно достаточна для того, чтобы „покрыть“ собою заработную плату и ренту в ее различных подразделениях (Родбертус, как известно, разделял ложную догму Смита о распадении стоимости годового продукта только на $v + m$. В. Г.). Он забывал при этом, что закон равномерного уровня прибыли действует, если можно так выразиться, *одновременно над всей экономической территорией общества* (подчеркнуто автором. В. Г.). Лишь, перегородив эту территорию искусственным барьером, отделявшим производство сырого продукта от обрабатывающей промышленности, Родбертус вспомнил об этом законе и исследовал его действия в области этой последней“.¹

Эта аргументация нам уже знакома; с ней мы встречались при рассмотрении статьи о Родбертусе. Поэтому нам нет надобности разбирать ее подробно. Отметим в этой связи лишь следующее:

Во-первых, неверно, что в силу „равномерного уровня прибыли“ рыночная стоимость продукта будет отклоняться от его стоимости. В силу „равномерного уровня прибыли“ происходит не отклонение рыночной стоимости от стоимости, а превращение рыночной стоимости (стоимости) в цену производства.

Как мог Плеханов смешать рыночную стоимость и цену производства, если в момент написания книги, посвященной Воронцову, ему было известно содержание третьего тома „Капитала“, где с исчерпывающей полнотой разъяснено превращение стоимости (рыночной стоимости) в цену производства с образованием средней прибыли. Объяснение этому надо, видимо, искать в том, что в это время он еще не сумел преодолеть до конца ошибку классиков и Родбертуса, смешивавших стоимость и цену производства.² Этим пожалуй и можно объяснить то обстоятельство, что он не отмечает вышеуказанной ошибки Рикардо-Родбертуса.

Во-вторых, в чем смысл тезиса, что „закон равномерного уровня прибыли действует одновременно на всей экономической территории общества“? В том, что в земледелии не может образоваться избытка прибавочной стоимости над средней прибылью, который мог бы быть (при определенных условиях) источником особой формы ренты, абсолютной ренты. Конкуренция капиталов — такова мысль Плеханова — уравнивает прибыль в обоих подразделениях национального производства (сырой продукт и продукт фабрикации), в результате чего цена производства (рыночная стоимость, по Плеханову) отклоняется от трудовой стоимости. Это было бы верным только при предположении, что не существует частной собственности на землю; только в этом случае конкуренция уравнила бы прибыль в обоих крупных подразделениях общественного производства и „закон равного уровня прибыли действовал бы одновременно на всей экономической территории общества“.

¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. IX, стр. 95—96.

² Мы говорим „еще не сумел“ потому, что позднее он отчетливо различал стоимость и цену производства. См., например, его рецензию на книгу Фракка, (Соч., т. XI, стр. 355).

Плеханов упрекает далее Родбертуса в том, что последний искусственным барьером отделил „производство сырого продукта от обрабатывающей промышленности“. За что следовало бы упрекать Родбертуса, так это за то, что он отделяет производство сырого продукта от обрабатывающей промышленности, исходя из неверного взгляда, будто в земледелии, в отличие от индустрии, в стоимость продукта не входит стоимость сырого материала. „Теория Родбертуса основана на предположении, что ошибочный расчет померанского помещика („не считать“ сырого продукта в земледелии) обязателен и для капиталиста фермера. В теории Родбертуса нет ни грана историзма, ни грана исторической реальности, ибо он берет земледелие вообще, вне времени и пространства, земледелие любой страны и любой эпохи“.¹

Упрек, сделанный Плехановым по адресу Родбертуса, рельефно показывает, что он не понимает экономического значения частной собственности на землю, которая действительно является барьером, мешающим конкуренции капиталов уравнивать земледельческую прибыль в одну общую, среднюю норму прибыли.

Именно это непонимание экономического значения частной собственности на землю и привело его к отрицанию абсолютной ренты — „этой формы реализации частной поземельной собственности в капиталистических доходах“ (Ленин). Однако прямо об этом он нигде, насколько нам известно, не говорил; нигде не заявлял о своем несогласии с Марксом, предоставляя „разносить“ марксову теорию абсолютной ренты П. Маслову и ему подобным.

Его критика носит более „тонкий“ характер. Он ограничивается тем, что отождествляет учение Маркса об абсолютной ренте с теорией ренты Родбертуса. Но так как учение о ренте этого последнего он справедливо считал ошибочным, то читателю предоставляется право сделать соответствующие выводы.

О тождестве абсолютной ренты Маркса с рентой Родбертуса Плеханов заявил в одном из примечаний к цитированной уже выше работе („Чернышевский“). Вот это примечание: „В одной из ранних своих статей Чернышевский высказал свое несогласие с Рикардо по одному весьма важному пункту“. Далее цитируется статья Чернышевского, которая гласит: „Теория Рикардо совершенно основательна, но не совершенно полна; она объясняет только причину различия в ренте различных земель, не принимая, что и самая плохая земля приносит ренту, и не объясняя этого; берет ренту только при достаточности, а не при недостаточности производств“. Приведя эту выписку Плеханов говорит: „Это очень похоже на теорию абсолютной ренты Родбертуса и Маркса“.²

Нам нет надобности подробно доказывать, что теория абсолютной ренты Маркса не тождественна теории ренты Родбертуса. Здесь мы можем ограничиться тем, что ответил Ленин Маслову, тоже сопоставлявшему Родбертуса и Маркса в теории ренты. „Сопоставление Родбертуса и Маркса в вопросе о ренте, — заявил Ленин, — есть круглое невежество“.

¹ Ленин, Соч., т. XI, стр. 398—399.

² Г. В. Плеханов, Соч., т. VI, стр. 171.

Выше мы упоминали о заметках, сделанных Плехановым на полях книги Булгакова „Капитализм и земледелие“ (т. I). Подобные же заметки мы нашли на полях книг: К. Маркс — „Das Kapital“ (Bd. III, 1894) и К. Kautsky — „Die Agrarfrage“. Эти заметки целиком подтверждают те выводы о взглядах Плеханова на теорию ренты, к которым мы пришли на основе анализа его печатных работ. На стр. 125 Булгаков пишет: „Эта рента (т. е. рента, получаемая помещиком ведущим самостоятельное хозяйство. В. Г.) может быть выше или ниже, но известную ренту при данном уровне экономического развития общества дает *всякая земля*“. Слова: „всякая земля“ Плеханов подчеркивает и замечает: „нет, не всякая“. Смысл этого замечания, повидимому, таков, что этой пометкой Плеханов хочет сказать, что ренту дают только лучшие из обрабатываемых земель; худшие земли не приносят никакой ренты. Или, другими словами, что существует только дифференциальная рента.

Весьма характерно также то, что Плеханов не делает ни одного замечания по поводу тех мест, где Булгаков „опровергает“ теорию абсолютной ренты Маркса, находя, видимо, его (Булгакова) критику заслуживающей внимания. „Не трудно видеть, — пишет Булгаков, сокращая Маркса, — что это (речь идет об абсолютной ренте. В. Г.) лишь особый случай дифференциальной ренты: границей повышения цен на хлеб является тот уровень, при котором возможно уже производство хлеба на старом участке путем приложения новых, менее производительных затрат капитала. Поэтому поднятие цен на хлеб очень ограничено и едва ли может быть рассматриваемо как самостоятельная форма ренты“.¹ Все это место Плеханов отчеркивает и замечает: „N(ota) B(ene)“.

Мы указывали уже и находим не одно доказательство в пользу этого утверждения, что Плеханов отождествлял абсолютную ренту Маркса с рентой Родбертуса. Вот пример. Изложив кратко образование общей нормы прибыли благодаря конкуренции капиталов, Булгаков спрашивает: „Входит ли в это уравнение земледельческий капитал, является ли он полноправным членом капиталистической семьи, сам отдавая свою прибавочную ценность в общую кассу и затем получая оттуда среднюю норму прибыли“. Приведенное место Плеханов отчеркивает и делает такую пометку: „Сравни Родбертуса“. „Принимая основной принцип теории капитала Маркса, — отвечает на поставленный вопрос Булгаков, — я должен ответить на этот вопрос *отрицательно*“.² Слово „отрицательно“ подчеркнуто Плехановым и на полях сделана пометка: „ld(em)“.

Оставляя в стороне неважные для нас в данной связи остальные рассуждения Булгакова, отметим лишь, что Булгаков прав, когда говорит, что при монополии частной собственности на землю земледельческий капитал не участвует в уравнении прибыли по средней норме, хотя то обоснование, которое он дает этому, ничего общего не имеет с Марксом. Так вот само указание, что земледельческий капитал не участвует в уравнении прибыли, а не участвует он, как мы знаем, потому, что частная собственность на землю является препятствием свободному приложению капитала к земле, не позволяющим конкуренции капиталов свободно уравнивать промышленную и сельскохозяйственную прибыль, —

¹ Булгаков, Капитализм и земледелие, т. I, 1900, стр. 87.

² Там же, стр. 98.

само это указание напомнило Плеханову ренту Родбертуса. Это лишний раз подтверждает то, что он отождествлял абсолютную ренту Маркса с рентой Родбертуса.

Упомянем еще о некоторых пометках, сделанных Плехановым на полях немецкого издания третьего тома „Капитала“.

В 38-й главе — „Дифференциальная рента. Общие замечания“ — Маркс пишет, подводя итоги анализу: „Во-первых, очевидно, что эта рента всегда представляет дифференциальную ренту, потому что она не принимает участия в образовании общей цены производства товара, а напротив — предполагает ее. Она всегда возникает из разности между индивидуальной ценой производства, получающейся для отдельного капитала, который располагает монополизированной, естественной силой, и общей ценой производства для капитала, вообще вложенного в соответственную сферу производства“.

Весь этот абзац отчеркнут и снабжен следующей пометкой: „Родбертусу“. Эта пометка станет понятной, если вспомнить взгляды Плеханова в теории земельной ренты. Он, как показано выше, исходил из той ложной предпосылки, будто развитие капиталистического земледелия не стеснено монополией частной собственности на землю. В этом случае, действительно, рента может быть только дифференциальной рентой („всегда представляет дифференциальную ренту“), только разницей между индивидуальной и общей, регулирующей ценой производства сельскохозяйственного продукта; в этом случае худшие из обрабатываемых земель давали бы только обычную прибыль на затраченный капитал, но не приносили бы никакой ренты. Придерживаясь таких взглядов, естественно увидеть в приведенной выписке из Маркса довод против теории земельной ренты Родбертуса, который в отрицании ренты с худших земель усматривал основной недостаток ренты Рикардо.

И это примечание целиком подтверждает наше заключение, что Плеханов не понял открытого Марксом закона абсолютной ренты. Отсюда и отождествление абсолютной ренты Маркса с рентой Родбертуса, отсюда и преувеличенная оценка этого последнего.

Всякий намек на ренту с худших земель, всякий намек на существование ренты, независимой от различий в производительности капиталов, вложенных в земли различного качества, — всякий такой намек или указание тотчас же напоминает Плеханову ренту Родбертуса. Вот пример. Маркс говорит, приступая к анализу абсолютной ренты: „При анализе дифференциальной ренты мы исходим из предположения, что наихудшая земля не уплачивает земельной ренты... *Необходимо прежде всего заметить, что закон дифференциальной ренты как дифференциальной ренты совершенно не зависит от правильности или неправильности этого предположения*“. Смысл этих слов Маркса ясен — есть или нет абсолютная рента, платит или нет худшая земля ренту, дифференциальная рента существует, раз земледелие ведется капиталистически. Против подчеркнутых нами слов Маркса Плеханов сделал пометку: „Р(ента) Родбертуса“. Одно только допущение, что и худшая земля может приносить ренту (разумеется, при наличии определенных условий, при существовании частной собственности на землю), одно только это допущение напомнило Плеханову учение о ренте немецкого экономиста.

Подытоживая взгляды Плеханова в области теории ренты, можно сделать следующие выводы.

1. Плеханов не понимал экономического значения частной собственности на землю, играющей роль тормоза свободного прилива капиталов к земле. Отсюда отрицание им абсолютной ренты, этой формы реализации частной земельной собственности, этой важнейшей основы аграрной теории Маркса и Ленина.

2. Он отождествлял абсолютную ренту Маркса с рентой Родбертуса; отвергая последнюю, он в то же время отбрасывал и первую.

3. Теория ренты Плеханова — это теория Рикардо, освобожденная от всякой связи с законом убывающего плодородия почвы. Как увязывалась эта антимарксистская теория ренты Плеханова с его меньшевизмом, а позднее, в эпоху второй русской революции, с переходом на сторону эксплуататорских классов, — будет показано ниже.

Представляет интерес сопоставить плехановскую трактовку ренты с теорией ренты другого виднейшего представителя II Интернационала — Каутского, ныне оголтелого социал-фашиста и заклятого врага Советского союза. Оба они отрицают абсолютную ренту Маркса. Однако в методе ревизии между ними имеется существенное различие. Плеханов отвергает абсолютную ренту, не вступая в открытую полемику с Марксом, как это делал прямолинейный Маслов. Но, с другой стороны, он не прибегает и к фальшивой, лицемерной защите, защите только по видимости учения об абсолютной ренте. Не то Каутский. Формально, по видимости, Каутский защищает теорию абсолютной ренты Маркса. В его книге „Аграрный вопрос“ есть специальный параграф, посвященный абсолютной ренте. Тактика его во многом напоминает того средневекового монаха, который, желая полакомиться курицей и не нарушать в то же время догматы церкви, окрестил ее рыбой. Так и Каутский. Ревизуя одну из основ аграрной теории Маркса — абсолютную ренту — и желая сохранить „добрососедские“ отношения с марксизмом, он подсовывает под понятие абсолютной ренты то, что в действительности ничего общего с нею не имеет.

Убедимся в этом на примере.

„Если сельское хозяйство, — пишет Каутский, — потребляет меньше сырого материала, чем другие отрасли капиталистического производства, то, с другой стороны, затраты его на машины и постройки (амбары, стойла, оросительные работы и т. п.) с прогрессом техники постоянно увеличиваются. Весьма сомнительно, чтобы интенсивное сельское хозяйство в настоящее время по органическому строению капитала стояло ниже среднего уровня“.¹

Абсолютная рента, по Марксу, есть разность между стоимостью и ценой производства сельскохозяйственных продуктов. Но если органический состав сельскохозяйственного капитала равен или почти равен среднему общественному составу капитала, как полагает Каутский, тогда цена производства сельскохозяйственных продуктов совпадает или почти совпадает с их стоимостью. Экономически абсолютная рента в этом случае невозможна. Рента, обусловленная частной собственностью на землю, была

¹ Каутский, Аграрный вопрос, „Пролетарий“, 1923, стр. 53.

бы здесь надбавкой не только над ценою производства, но и над стоимостью. Следовательно, это была бы монополия рента. Вот эту-то монополю ренту Каутский и называет абсолютной рентой. Но он не ограничивается приведенным выше доводом и выставляет еще другое соображение. Пусть органический состав сельскохозяйственного капитала — ниже среднего общественного состава, но так как оборот капитала в сельском хозяйстве медленнее, чем в промышленности, то избыток земледельческой прибавочной стоимости над средней прибылью, возникающий в силу низкого органического состава капитала, будет сведен на нет более медленным оборотом сельскохозяйственного капитала. В этом случае цена производства земледельческих продуктов будет равна или почти равна их стоимости и, следовательно, экономически невозможна абсолютная рента, а может существовать только монополия рента. Словом, абсолютной ренты нет, потому, что органический состав сельскохозяйственного капитала равен среднему общественному составу, но ее не было и тогда, когда строение сельскохозяйственного капитала было ниже, чем в промышленности.

Мы не будем разбирать приведенных выше доводов Каутского, так как в нашей литературе эти доводы разобраны подробно и ревизионистский характер его теории ренты вскрыт с достаточной полнотой.

Каутский не ограничивается ревизией Маркса, а в меру своих сил и способностей еще и клеветает на основоположника научного социализма. По его мнению, абсолютная рента Маркса не только совпадает с рентой Родбертуса, но и самая-то честь открытия ее принадлежит вовсе не Марксу, а тихому мыслителю из Ягцева. Так, в предисловии ко второму тому „Теорий“ Каутский писал: Родбертус „впервые перед Марксом выставил цельную теорию абсолютной земельной ренты“.

Сказанное выше о теории ренты самых двух видных представителей II интернационала — Плеханова и Каутского — позволяет утверждать, что ревизия марксовой теории ренты, идущая по пути отрицания абсолютной ренты — этой важнейшей основы аграрной теории марксизма, — является существенной частью теоретических взглядов социал-демократии, ныне превратившейся в социал-фашизм.

„В области *теории* — сказано в программе Коминтерна — социал-демократия изменила марксизму полностью и целиком“. Справедливость этих слов подтверждается и разбором теории ренты виднейших представителей II интернационала.

3

Кто говорит „а“, тот должен сказать и „б“ — любил повторять Плеханов немецкую поговорку. Справедливость ее он сам наглядно демонстрирует.

Отрицание им абсолютной ренты должно было привести и привело к неправильной, немарксистской трактовке ряда вопросов, относящихся к аграрной теории марксизма-ленинизма. Так в работе о Чернышевском он анализирует вопрос об отсталости земледелия при капитализме. Указывая в числе причин, объясняющих эту отсталость, и на сложность земледельческого производства, и на то, что оно позднее промышленности вступило на путь капиталистического развития, и на международный обмен, Плеханов не упоминает о коренной, основной причине —

монополии частной земельной собственности, тормозящей развитие производительных сил капитализма. „Почему, — спрашивает Плеханов, — земледелие отстало от мануфактурной промышленности? Отчасти потому, что, во-первых, земледелие гораздо сложнее (?) фабричного производства, главным же образом потому, что, во-вторых, земледелие развивалось при других отношениях производства, чем мануфактурная промышленность... Мануфактурная промышленность раньше земледелия приняла капиталистический характер, испытала поощрительное влияние конкуренции. Неудивительно, что она далеко обогнала земледелие. Международный обмен действовал в том же направлении. Когда Англия заводила торговые сношения с Россией, она могла предложить ей только мануфактурные изделия. Земледельческих продуктов было достаточно в России, несмотря на всю ее отсталость. Но развитие вывоза мануфактурных изделий из Англии способствовало расширению их производства, привлекало к мануфактурной промышленности новые капиталы и новые таланты. Наоборот, земледелие передовых стран... терпело от ввоза земледельческих продуктов из отсталых стран... а этим по крайней мере в некоторых случаях задерживались его успехи“.¹

В издании „Шиповника“ это место снабжено следующим примечанием: „Мы с удовольствием убедились впоследствии в совпадении нашего взгляда на отношение роста производительности труда в земледелии к его росту в промышленности со взглядами Маркса на тот же предмет“. Далее следует ссылка на второй том „Теорий“. Взгляды Плеханова совпадают со взглядами Маркса в том отношении, что он, как и Маркс, говорит о росте производительности земледельческого труда с развитием капитализма; он также отмечает, что этот рост совершается гораздо медленнее, чем в промышленности, в результате чего имеет место относительное понижение производительности труда в сельском хозяйстве, относительное удорожание продуктов земледелия. Но на этом и кончается сходство.

Что касается причин этого явления, то объяснение Плеханова имеет очень мало общего с объяснением, данным Марксом. По Марксу основа отсталости земледелия при капитализме — это, прежде всего, частная собственность на землю, стесняющая развитие производительных сил капитализма. Всякому, читавшему работы Маркса и Ленина по аграрному вопросу, это хорошо известно.

Из отрицания абсолютной ренты непосредственно вытекает отрицание национализации земли как меры, ускоряющей развитие производительных сил капитализма, и как задачи буржуазно-демократической революции. Отвергнув абсолютную ренту, Плеханов, естественно, должен был отвергнуть и национализацию земли. Логика обязывает: кто сказал „а“, тот должен сказать и „б“.

„Если придет такое время, — писал он в статье „Ортодоксальное буквоедство“ (1903 г.), посвященной защите проекта программы РСДРП, — когда наше крестьянство обнаружит очень большую революционную энергию, то мы укажем ему более широкую революционную цель. Но и в этом случае мы останемся верны духу своей программы и не станем

¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. VI, стр. 179—180.

поддерживать *реакционную утопию* (имеется в виду национализация земли. В. Г.), заимствованную Рязановым у с.-р.“¹

Итак, национализация земли есть реакционная утопия, позаимствованная у эс-эров. Именно поэтому Плеханов не находит нужным включать ее в программу рабочей партии. Как он обосновывал вышеприведенный тезис мы увидим ниже, пока же отметим следующее.

Народнику (эс-эру тоже) казалось, что отмена частной собственности на землю и уравнительность землепользования (так называемая „социализация земли“) означает переход от неравенства и кабалы к каким-то новым небуржуазным порядкам. Это, разумеется, было заблуждением. Ибо „полное уничтожение частной собственности на землю... не уничтожает ни господства капитала, ни нищеты масс. При земле, принадлежащей всему народу, хозяйство будет вести тот, кто владеет капиталом... а тот у кого ничего нет, кроме рабочих рук, неизменно останется рабом капитала, даже при демократической республике, даже при принадлежности земли всему трудовому народу“.²

Эту реакционно-утопическую сторону народничества Плеханов справедливо критиковал в своих многочисленных работах. Но он не видел другой его стороны, революционной в буржуазно-демократическом смысле. Туманной социалистической фразеологией народник выражал прогрессивное требование хозяйственного мужичка, желавшего до основания уничтожить средневековое русское землевладение и тем расчистить почву для свободного хозяйничанья на земле. Именно в требовании освободить землю от всех крепостнических пут, устранить все преграды свободному приложению капитала к земле и заключалась революционная сторона народничества. Задача марксиста в том и состояла, чтобы за обманчивой формой разглядеть реальное буржуазное содержание. Ленин в следующих словах отмечает однобокость, односторонность меньшевистской (в том числе и плехановской) критики народничества: „Критикуют и справедливо критикуют, — говорит он, — „трудовое начало“ и „уравнительность“ как отсталый мелко-буржуазный социализм, и забывают, что эти теории выражают передовой революционный мелкобуржуазный демократизм, что эти теории служат знаменем решительной борьбы против старой крепостнической России“.³

Эта односторонность плехановской критики народничества прямо вытекает из отрицания им абсолютной ренты. В самом деле, отрицание абсолютной ренты означает непонимание экономического значения частной земельной собственности как тормоза развития производительных сил капитализма. Поэтому тот, кто отбрасывает абсолютную ренту, кто не может увидеть ничего прогрессивного в требовании уничтожить частную собственность на землю, тот и в критике мелкобуржуазного социализма не пойдет дальше его обманчивой формы и не сумеет понять действительный смысл переворота, который рисуется народнику как переход к небуржуазности но который на самом же деле решительно расчищает путь для развития капитализма.

¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. XII, стр. 409—410 (подчеркнуто автором. В. Г.).

² Ленин, Соч., т. VIII, стр. 384.

³ Ленин, Соч., т. XI.

Возвратимся однако к вопросу о национализации земли в буржуазном обществе. Как же обосновывал Плеханов то утверждение, что национализация есть реакционная мера?

Доказательства его таковы:

1. „...В аграрной истории Московской Руси, — говорит он в статье „К аграрному вопросу в России“ (март 1905 г.), — было, к сожалению, слишком много китайщины: под влиянием многих неблагоприятных исторических условий... право собственности на землю из рук земледельцев перешло к великому князю, впоследствии к царю, который и стал распоряжаться ею как фондом для удовлетворения потребности государства. Петербургский период нашей истории привел в систему то, что начато было московским“.¹ Но так как национализация земли с политико-юридической точки зрения есть передача собственности на землю в руки государства, то, следовательно, уже в московский период нашей истории имела место своеобразная „национализация“ земли. Именно такой вывод и делает Плеханов в названной статье.

2. На почве этой своеобразной „национализации“ сложилась и соответственная психология крестьян, которой, будто бы, и объясняется аграрное движение времен первой русской революции. „Говорят, что нынешние наши аграрные волнения вызываются влиянием революционной пропаганды. Но, во-первых, это влияние вовсе не так велико, чтобы им можно было объяснить все случаи аграрных „беспорядков“. А во-вторых, спрашивается, *почему же* революционеры *могли* повлиять на крестьян в данном случае? Что дало революционерам эту возможность? Я отвечаю: психология крестьян, исторически сложившаяся на почве очерченной мною „национализации“ земли.“² Такое же объяснение мы находим и в статье „Освобождение крестьян“, написанной в 1911 г.: „Этой психологией крестьянина (т. е. психологией, сложившейся на почве указанной выше „национализации“ В. Г.) объясняются и недавние аграрные волнения 1902—1906 гг.“.³

3. Передача земли в собственность государства укрепила бы экономическую основу царизма и повернула бы вспять колесо исторического развития России. Сравнивая раздел земли с национализацией, Плеханов пишет: „По сравнению с национализацией у него было бы то огромное преимущество, что он нанес бы окончательный удар тому нашему старому порядку, при котором и земля и земледелец составляют собственность государства... *А национализация земли являлась бы попыткой реставрировать у нас этот порядок“*.⁴ А раз так, то понятно, что национализация земли есть реакционно-утопическая мера, а всякий, защищающий ее—есть эс-эр, не разделавшийся с народническими пред-рассудками.

4. Аграрная программа социал-демократии должна дать известную гарантию от восстановления старых порядков. Национализация не только не дает такой гарантии, но наоборот, ведет к их возрождению. Этому удовлетворяет программа муниципализации земли, выдвинутая Масловым. „В случае реставрации она не отдает землю в руки представителей

¹ Плеханов, Соч., т. XV, стр. 33.

² Там же, стр. 35.

³ Г. В. Плеханов, Соч., т. XXIV, стр. 25.

⁴ Г. В. Плеханов, Соч., т. XV, стр. 31 (подчеркнуто мною. В. Г.).

старого порядка, наоборот, в органах общественного самоуправления, владеющих землей, она создаст оплот против реакции".¹ Таковы аргументы Плеханова против национализации земли. Разберем эти аргументы.

Во-первых, неправильно говорить о национализации земли в эпоху Московской Руси. Согласно Марксу и Ленину, национализация земли со стороны экономической означает уничтожение частной собственности на землю и уничтожение абсолютной ренты. Абсолютная рента предполагает капиталистическое хозяйство на земле, хотя это последнее не предполагает необходимо абсолютной ренты; она есть категория капиталистического хозяйства, стесненного монополией частной земельной собственности. Отсюда следует, что национализация земли, уничтожающая абсолютную ренту, уничтожающая всякие помехи свободному приложению капитала к земле есть тоже „категория товарного и капиталистического производства“ (Ленин). Поэтому и нельзя всерьез говорить о национализации земли в эпоху Московской Руси.

Во-вторых, ничего общего с марксизмом не имеет данное Плехановым объяснение аграрного движения нашего крестьянства в эпоху первой революции. Вместо того чтобы искать материальную основу крестьянской борьбы за землю в строе экономических отношений России XX ст., он придумал ни с чем несообразное „объяснение“, будто крестьянская борьба за землю обусловлена психологией, сложившейся на основе национализации земли в до-петровской Руси. Впрочем тут тоже есть своя, если угодно, логика. Тот, кто отвергает теорию абсолютной ренты, тот не может понять экономического значения частной собственности на землю, а не поняв этого, нельзя правильно объяснить и аграрные волнения начала XX ст.

В действительности крестьянская борьба против помещичьего землевладения, требование крестьян сделать землю „ничьей, а божьей“, т. е. уничтожить частную собственность на землю, объясняется вовсе не психологией крестьян, выросшей на почве „национализации“ XVII ст., а тем, что хозяйственные мужички остро ощущали резкое несоответствие, резкое противоречие между устаревшим крепостническим средневековым характером землевладения, с одной стороны, и потребностью развивающегося хозяйства в условиях рынка — с другой.

Отвечая Маслову, который тоже не понимал настоящих причин крестьянской борьбы против помещичьих латифундий, который, объяснял склонность крестьян к национализации не особыми условиями крестьянской аграрной революции, а общими свойствами мелкого собственника в капиталистическом обществе, Ленин говорит: „Крестьянин потому борется так энергично против крепостнических латифундий, что он является в настоящий исторический момент *представителем свободной капиталистической эволюции земледелия*“² (подчеркнуто мною. В. Г.). В этом корень аграрного движения русского крестьянства (в первом десятилетии XX столетия).

Во-третьих, „национализация земли являлась бы попыткой реставрировать у нас экономические порядки Московской Руси“. Этот довод,

целиком основанный на софизме, на игре в словах, Ленин подверг уничтожающей критике: „Поскольку в Московской Руси была (или, если в Московской Руси была) национализация земли, — писал он, — постольку экономической основой ее был *азиатский способ производства*. Между тем, в России со второй половины XIX в. укрепился, а в XX ст. стал уже безусловно *преобладающим капиталистический способ производства*. Что же остается от довода Плеханова? Национализацию, основанную на азиатском способе производства, он смешал с национализацией, основанной на капиталистическом способе производства, из-за тождества слов он просмотрел коренное развитие именно производственных отношений“.¹

Национализация земли, выметающая весь средневековый хлам в области русских поземельных отношений, знаменовала бы собой целый экономический переворот в дореволюционной России, необходимо связанный с таким же радикальным переворотом в области политической. Национализация земли, идущая об руку с изменением всего политического строя России, повела бы не к восстановлению экономических порядков до-петровской Руси (само это предположение немислимо), а к ускоренному развитию капитализма, освобожденному от пут крепостничества.

В-четвертых, „национализация не дает гарантии от реставрации старых порядков, такую гарантию дает муниципализация земли“.

В чем суть муниципализации? В том, что она предполагала передать землю крупных землевладельцев (помещиков в первую голову) в руки органов местного самоуправления. Землю же крестьян и мелких собственников оставляла в их частной собственности. Половинчатость и реакционный характер этой программы бросаются в глаза. Осуществление ее устранило бы пережитки крепостничества только в одной части русских земельных отношений — в области помещичьей собственности, оставляя их неприкосновенными в области старого средневекового надельного землевладения. Муниципализация земли, по выражению Ленина, являлась своеобразным аграрным биметаллизмом: сочетание передовой общественной собственности на одну часть земель, с оставлением в частной собственности другой ее части (надельное землевладение). Половинчатости в области экономических преобразований соответствовала у меньшевиков половинчатость и в области преобразований политического строя России — демократическое областное самоуправление при неполной демократизации центральной власти.

И вот оказывается, что такая в сущности реакционная и половинчатая мера, как муниципализация земли, дает большие гарантии от реставрации, чем ленинская национализация, предполагающая полную демократизацию всего политического строя России. Ленин подчеркивал, что вопрос о „гарантии от реставрации“ не связан непосредственно с выработкой аграрной программы. Но если ставить его, то надо сказать, что именно программа национализации дает наибольшую гарантию (конечно, только относительную) от восстановления старого порядка. В экономической области дальше всего идет при буржуазном аграрном перевороте национализация, ибо она ломает все средневековое землевладение“.²

¹ Г. В. Плеханов, соч., т. XV, стр. 70.

² Ленин, соч. т. XI, стр. 367.

¹ Ленин, Доклад об объединительном съезде РСДРП.

² Ленин, т. XI, Соч., стр. 419.

Остановимся в заключение на дальнейшей эволюции взглядов Плеханова в области земельного вопроса. В мае 1917 г. он написал письмо Всероссийскому крестьянскому съезду. Это было его последнее высказывание по аграрному вопросу. Позицию, занятую им в этом письме, можно сформулировать следующим образом: он продолжал защищать старый меньшевистский аграрный биметаллизм, но уже не в чистом виде, а в сочетании с кадетскими аграрными требованиями, заявив о своем несогласии с решением съезда, требовавшим, чтобы все государственные, монастырские, церковные и частновладельческие земли перешли без всякого выкупа в народное достояние для уравнительного землепользования. Плеханов предлагает свое решение: „мне кажется, что лучше было бы постановить так: частная земельная собственность, не превышающая известного числа десятин, остается неприкосновенной“. Это решение является повторением меньшевистской программы муниципализации земли, согласно которой земли крупного владения превращаются в общественную собственность, а земли крестьян и вообще мелких землевладельцев остаются в их частном владении.

Дальше следуют пункты, взятые из кадетской аграрной программы. Одним из пунктов резолюции крестьянского съезда было требование передать частновладельческие земли в народное достояние без какого-либо выкупа. Плеханов это требование крестьянства находит „нерасчетливым и несправедливым“. „В настоящее время, — заявляет он, — не малое число крестьян тоже имеют частную земельную собственность. Отобрать ее без всякого выкупа — несправедливо, так как мелкие крестьяне-землевладельцы нередко потом платили за землю деньги, заработанные в поте чела своего“. Да и относительно крупных землевладельцев (владельцев крепостнических латифундий) тоже нерасчетливо, по его мнению, поступать так. „Нужно дать частным землевладельцам *известное вознаграждение* (подчеркнуто автором. В. Г.). Конечно, скромное; Россия слишком бедна... но скромное вознаграждение, способное избавить от нищеты бывших землевладельцев, необходимо“.

Эта часть целиком повторяет кадетские требования в земельном вопросе, требования, выражавшие классовые интересы крупных землевладельцев. Комментарии, пожалуй излишни. Действительно, кто сказал „а“, тот должен сказать и „б“; тот, кто произносит первую букву ревизионистского алфавита, тот должен досказать его до конца. Это неизбежно. Кто отвергает революционное учение передового класса в тех или других вопросах, тот рано или поздно приходит к защите классовых интересов эксплуататоров.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
В. Рейхардт. Развитие обмена и производства товаров в докапиталистических формациях	5
И. Плотников. Из истории экономической мысли: Вильям Томпсон	37
В. Серебряков. Формальное и реальное подчинение труда капиталу	54
А. Пальцев. Относительная прибавочная стоимость в условиях падающей стоимости денег	82
В. Груздев. Теория земельной ренты Плеханова	94
Л. Кашарский. К характеристике положения рабочей аристократии в условиях общего кризиса капитализма	115
В. Серебряков. Монополии и повышение цен	136
Л. Кашарский. Депрессия особого рода	159

Отв. редактор *В. Серебряков.*

Техн. редактор *П. Смирнов.*

Книга сдана в набор 22/XI 1934 г.	Полписано к печати 19/XII 1934 г.
Индекс С-10, Соцэкгиз № 1082/л.	Тираж 20.250 экз. Заказ № 2535.
Формат бум. 62 × 94 ¹ / ₁₆ . Авт. л. 15,21. Печ. л. 11 ³ / ₄ .	Тип. зн. в 1 б. л. 113.152
Бум. л. 5 ⁷ / ₈ .	Ленгорлит № 28711.
Бумага Красногородской фабрики.	Цена книги 2 р. 25 к., перепл. 1 р.

Ленпромпечатъсоюз, тип. „Печатня“, Ленинград, Прачечный пер., 6.